

Рут Ренделл
Озеро тьмы
Серия «Misterium»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11656118
Озеро тьмы: Издательство «Э»; М.; 2015
ISBN 978-5-699-82900-2

Аннотация

Молодой бухгалтер Мартин Урбан выиграл крупную сумму денег на футбольном тотализаторе. Будучи романтической натурой, половину этих денег он решил истратить на благотворительность – помочь нескольким людям, остро нуждающимся в жилье. Но есть один человек, знающий о выигрыше Мартина, при этом обойденный его вниманием. Он считает, что это несправедливо, и в его сердце загорается жажда мести, а в голове созревает хитроумный план – как урвать себе значительную часть выигранных Урбаном денег и одновременно заставить Мартина страдать...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Рут Ренделл

Озеро тьмы

© Гольдберг Ю.Я., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Нерон промышляет рыбачеством у озера тьмы...¹
У. Шекспир «Король Лир»

¹ Пер. Б. Пастернака.

Глава 1

Скорпион – это метафизика, разложение и смерть, возрождение, страсть, похоть и насилие, предвидение и глубина ума, утрата, оккультизм, астрология, кредиты и займы, а также прочие... качества. Скорпион покровительствует магам, астрологам, алхимикам, хирургам, рабам и гробовщикам. Камень Скорпиона – змеевик, растение – кактус, животные – волки и скорпионы, часть тела – гениталии, оружие – неизбежная боль, а карта Таро – Смерть.

День рождения у Финна был 16 ноября, как у императора Тиберия. Гадалка, подруга его матери, с которой та познакомилась в психиатрической лечебнице, предсказала ему, что он проживет очень долго и умрет насильственной смертью.

Утром его дня рождения, двадцать шестого по счету, пришел один из детей Кайафаса и принес пакет с деньгами. Мальчишка постучал в дверь Финна. Должно быть, внизу кто-то впустил его в дом. Они не знали, что у него день рождения, понял Финн. Это было просто совпадение. Он развязал пакет и убедился, что там находится то, что должно находиться, – две с половиной тысячи фунтов стерлингов десятифунтовыми купюрами. Теперь, когда деньги пришли, лучше приниматься за дела, которые все равно никуда не делись.

Подниматься к Лене было еще рано. По утрам она любила поспать подольше. Нельзя сказать, что Лена возражала бы, разбуди ее Финн в свой день рождения, – ей понравилось бы, и она даже ждала этого. В отличие от него. Он убрал деньги подальше и сошел вниз.

Финн был очень высоким, худым и бледным. Почти альбиносом – если бы не водянисто-серый ободок вокруг зрачков. Просто удивительно, как такие блеклые глаза могут быть столь пронизывающими и яркими, как начищенное серебро. В детстве волосы у него были светлыми, почти белыми, но теперь приобрели неопределенный серовато-бежевый оттенок картона. Лицо же, в отличие от глаз, совершенно обыкновенное и незапоминающееся. Под удлиненной нейлоновой курткой на нем были синие джинсы, клетчатая полушерстяная рубашка фирмы «Вайелла», черный бархатный жилет, а на шее шарф, из тех, что носят греческие женщины, черный треугольник с вышитыми по одному краю маленькими золотыми монетами. В руках он держал синий металлический чемоданчик с инструментами. У Финна была небольшая голова на тонкой, казавшейся хрупкой шее, узкие запястья и лодыжки и бледные, почти неестественно широкие ладони.

Его машина, ничем не примечательный бледно-серый фургон, стояла перед домом на Лорд-Артур-роуд. Этот район называют по-разному – Кентиш-Таун, Тафнелл-Парк или Лоуэр-Холлоуэй. Здесь можно увидеть несколько любопытных зданий: мини-готика с остроконечными крышами, красный викторианский кирпич, громадные серые «сарай» с избытком эркеров, сделанных ради красоты или удобства, а также маленькие узкие дома с плоскими фасадами, очень старые и покрытые облезлой бледно-зеленой штукатуркой. Архитектура Финна не интересовала – в пещере или хижине ему было бы не менее комфортно, чем в своей комнате. Он открыл фургон, сел за руль и поехал мимо станции метро «Тафнелл-Парк», потом поднялся на Дартмут-Парк-Хилл к южной части Хэмпстед-Хит².

Часы показывали четверть десятого. Он проехал под мостом у станции метро «Госпел-Оук», потом по Савернейк-роуд, которая огибала Парламент-Хилл-филдс, а на углу Модена-роуд остановил фургон. Отсюда можно было держать под наблюдением дом, в котором жили Кайафасы. Финн сидел за рулем, глядя на трехэтажный кирпичный дом цвета сливы.

Первыми вышли Фрэзеры. Вдвоем, под ручку. За ними, пять минут спустя, – миссис Ионидес. Финна они не интересовали. Он хотел увидеть Энн Блейк, которая довольно часто брала выходной и сказала ему, что «работает дома».

² Лесопарк на северной возвышенной окраине Лондона.

Как бы то ни было, ровно в половине десятого она вышла из дома и направилась туда же, куда и остальные, к станции метро. У Финна, которого нанимали для разного рода мелких работ и которому доверяли, был ключ от дома на Модена-роуд, которым он и воспользовался, чтобы войти внутрь. Для доверенного лица или наемного работника хозяина это было абсолютно законно – в отличие от того, что он собирался сделать.

Сестра Кайафаса занимала квартиру на первом этаже, а рядом была квартира Фрэзеров. Они взяли две тысячи фунтов стерлингов от Кайафаса и согласились съехать в конце месяца. Миссис Ионидес сделает все, что пожелает Кайафас, а теперь ей было сказано, что она должна вернуться в Никосию, чтобы ухаживать за его престарелым отцом. Дом, «свободный и готовый для въезда», продадут за шестьдесят, а может, и за семьдесят тысяч фунтов. Кайафас спрашивал об этом у агентов по торговле недвижимостью и видел, как взлетают вверх цены на такие дома. В августе точно такой же дом по соседству ушел за шестьдесят. Агент улыбнулся, покачал головой и сказал, что это было «свободное помещение, готовое для въезда», не так ли? Кайафас рассказывал об этом Финну – вот откуда он знал.

Финн вошел в прихожую миссис Ионидес, а затем в гостиную, где днем или двумя днями раньше оборвался один из шнуров подъемного окна. Он закрепил новый шнур, а затем поднялся на второй этаж, чтобы посмотреть, что можно сделать с карнизом эркера, который, как утверждала миссис Фрэзер, пропускал воду. С карнизом он провозился до ланча.

Финн принес ланч с собой, в глиняном горшочке. Черный чай, гамбургеры, чипсы, яйца и фасоль из банок, предлагавшиеся в кафе для рабочих, – это не для него. В горшочке были крупно порезанные фрукты с отрубями и йогуртом. Финн съел ломоть черного хлеба и запил ананасовым соком из банки емкостью полпинты³. Ананас был его любимым фруктом, а запах ананаса – любимым запахом.

После ланча Финн уселся на ковре в позе лотоса и приступил к ежедневному сеансу медитации. Сегодня он почувствовал, что взлетает над полом, пока не оказался почти у самого потолка, откуда мог через верхнюю часть окна Фрэзеров смотреть на ярко-зеленый откос Хэмпстед-Хит, поднимающийся к холодному, бледному и какому-то взъерошенному небу.

Медитация всегда придавала ему сил. Он наслаждался, чувствуя, как энергия струится по рукам и, словно электричество, пощипывает кончики пальцев. Наверное, его аура была очень сильной и яркой, однако в отличие от Лены и миссис Гогарти он не мог видеть ауры, так что смотреть в зеркало не было смысла. Потом Финн взял свой чемоданчик с инструментами и поднялся по последнему лестничному пролету. В отличие от Фрэзеров и миссис Ионидес Энн Блейк в тот день не давала разрешения входить в ее квартиру ни Кайафасам, ни их доверенному лицу или работнику, но Кайафас настоял, чтобы ключ у него был. Финн отпер входную дверь Энн Блейк, вошел и закрыл за собою дверь. Стены прихожей были оклеены обоями фирмы «Уильям Моррис» с узором из цветков калужницы и апоногетонов⁴ на синем фоне, а на полу лежал голубой ковер. Энн Блейк поселилась здесь еще до того, как дом купили Кайафасы, лет десять или двенадцать назад, и она не согласилась бы съехать и за большие отступные, чем те, что Кайафас давал Фрэзерам. Энн Блейк сказала Кайафасу, что не уедет отсюда и за двадцать тысяч, а заставить он ее не может. Закон на ее стороне. Квартиру он получит только через ее труп, заявила она.

Финн слабо улыбнулся в полумраке прихожей.

Он открыл стенной шкаф между дверьми в ванную и в гостиную и взял две легкие алюминиевые стремянки. Они были почти невесомыми, так что даже ребенок мог поднять их одной рукой. Финн отнес стремянку в ванную комнату.

³ Около 300 мл.

⁴ Водное растение с побегами, плавающими на поверхности или в толще воды.

Помещение было маленьким, не больше, чем шесть на восемь футов⁵, а над краем ванны в потолке располагался люк на чердак. В свое время этот люк Финн собирался открыть с другой стороны. Он установил стремянку и прошел в спальню. На полу лежал такой же, как в прихожей, голубой ковер, а стены были выкрашены в серебристо-серый цвет. В доме на Модена-роуд центральное отопление отсутствовало, и у каждого жильца имелся свой набор газовых и электрических нагревательных приборов. У Энн Блейк был настенный электрический обогреватель на кухне, газовый камин в гостиной и портативный электрический камин в спальне; ванная никак не обогревалась. Финн воткнул в розетку шнур электрического камина и включил прибор, а когда увидел, что два параллельных стержня начинают светиться, выключил камин и выдернул вилку из розетки.

Потом он вскарабкался на алюминиевую стремянку и, держа фонарик в левой руке, толкнул вверх люк. На чердаке был водяной бак и довольно много старых вещей, которыми перестали пользоваться, но которые еще нельзя было назвать хламом. Финн уже поднимался сюда – один раз, когда замерзла труба, и другой раз, чтобы залезть на крышу, – и прекрасно представлял, что здесь найдет. Он отличался наблюдательностью и хорошей памятью. Финн осторожно ступал по балкам, освещая фонариком перевязанные бечевкой стопки журналов «Нэшнл джиографик», ряды стеклянных банок, старинную пишущую машинку «Ремингтон», рулоны обрезков коврового покрытия, утюг и треножник, сколотые обеденные тарелки с рисунком в виде ивы, пока не нашел то, что искал. Электрический звонок.

Вилка на проводе отсутствовала. Сам звонок был пыльным, а катушку покрывал слой черной грязи или смазки. Финн спустился по алюминиевой лестнице в спальню и присоединил к шнуру 13-амперную вилку. Однако при включении звонка в розетку ничего не произошло. Не беда. Для Финна что-нибудь починить – детская игра.

Пришла пора проверить Энн Блейк. Ему не хотелось, чтобы хозяйка вернулась, например, из-за простуды или потому, что начальник решил с обеда уйти домой. Она проявила беспечность, сказав Финну, где работает, когда он приходил чинить трубу, а также то, что принимает ванну, как только возвращается домой. Информацию такого рода Финн никогда не забывал. Он нашел номер в телефонной книге и позвонил. Когда он попросил пригласить Энн Блейк к телефону, его куда-то переключили, потом предложили подождать, а когда наконец послышался ее голос, Финн положил трубку на рычаг.

По стене кухни от холодильника к чердаку проходила старая, давно не использовавшаяся газовая труба. Именно она и была нужна Финну. Он вырезал из нее кусок, дюймах в шести от пола. Потом вернулся на чердак, на этот раз со 100-ваттной электрической лампочкой на длинном проводе. Довольно быстро он нашел другой конец газовой трубы и отрезал заваренный конец. Работая, Финн размышлял о трусости человеческих существ, об их страхах, об их осторожности.

Он обладал чем-то вроде чувства юмора – хотя оно не имело ничего общего с умением видеть иронию или несоответствия – и всегда удивлялся, почему Кайафас во всех их делах никогда прямо не говорил, что ему нужно. Финн должен был догадаться сам.

– Фиин, – сказал Кайафас, – я тут... всю голову сломал. Я говорю ей: «Мадам, даю вам пять тысяч фунтов, пять тысяч фунтов, мадам, чтобы вы выехали из моего дома. Пожалуйста, – говорю я, – умоляю вас на коленях». И что она отвечает? Очень жаль, что я вообще приехал с Кипра.

– Ну-ну, – сказал Финн. Это была его любимая фраза.

На лице Кайафаса появилось выражение неопишуемой хитрости и жадности. Финн уже догадался, на что тот намекает. Он уже оказывал Кайафасу и другим услуги определенного

⁵ Примерно 2 × 2,5 м.

рода, входящие в обязанности профессионального наемного убийцы, хотя не такого масштаба.

– И тогда я подумал, – продолжил Кайафас, – что больше не делаю вам предложения, мадам, я не даю вам пять тысяч фунтов. Я даю их моему другу Фиину.

Этим дело и ограничилось. В любом случае Финн был не тем человеком, которому изливают душу. Он просто кивнул и сказал: «Ну-ну», – и Кайафас принес ему еще одну банку ананасового сока и протянул ключ от квартиры на верхнем этаже. А теперь поступила первая часть его гонорара...

Он просунул гибкий электрический провод в газовую трубу на чердаке, так чтобы разлохмаченные концы торчали из отрезанной части за холодильником, но заметить их мог только внимательный наблюдатель. Другой конец провода тянулся к люку, и в запасе оставалась еще пара ярдов⁶ шнура. Финн был более или менее доволен. Когда-то он мог бы все прокрутить без этой заморочки с проводами, газовой трубой и люком, не прилагая столько усилий. Финн задумался, вспоминая юность, от которой его отделяло уже не меньше дюжины лет – тогда одного его присутствия в доме было достаточно, чтобы начинался безумный *полтергейст*. Он вспоминал об этом с такой тоской, как другие вспоминают первую любовь, – влетающие в окно кирпичи, падающие со стен картины и громадный камень из сада, который никто не мог поднять, внезапно появляющийся на середине ковра в гостиной Куини. Сила покинула его после утраты невинности, а может, после гашиша, которым его угостил кто-то из школьных приятелей. Теперь Финн не курил даже табак и не употреблял спиртного. В этом нет смысла, если хочешь достичь совершенства, обрести силу, стать мастером.

Он проверил, что за холодильником имеется свободная розетка. В ванну упало немного черной грязи – похоже, неперменного атрибута всех чердаков. Финн вытирал ее тряпками, которые принес с собой, пока розовая эмаль не стала выглядеть точно так же, как до его прихода. Потом убрал алюминиевые стремянки в стенной шкаф и положил электрический звонок в полиэтиленовый пакет с ручками. Работа заняла целый день, но Кайафас щедро платил за каждую потраченную минуту.

В любой момент могли вернуться Фрэзеры. Это не страшно – при условии, что Финн успеет покинуть квартиру Энн Блейк. Выйдя из дома, он запер за собой входную дверь. Уже стемнело, но фары Финн не включал. Один из навыков, которые он в себе развивал, – умение видеть в темноте.

Для такого теплого вечера воздух был на удивление чистым, а желтые и белые фонари сверкали, затмевая бледную матовую луну. Включив зажигание фургона, Финн увидел, как миссис Ионидес, смуглая, приземистая, всегда одетая в черное, переходит улицу и открывает ворота перед домом, который он только что покинул. Он поехал по Дартмут-Парк-Хилл, терпеливо держась в потоке машин, который замедлялся перед светофором у станции метро.

Дом, где жил Финн, был купеческим особняком, которому не повезло с жильцами почти с самого начала; с тех пор прошло уже много лет. Финн поднялся к себе по широкой лестнице, со стороны Модена-роуд. Из-за дверей доносились музыка и голоса, тянуло запахами еды, а также марихуаны, которую курили из маленькой каолиновой⁷ трубки. Он миновал дверь своей комнаты и поднялся еще выше. На самом верху один раз постучал в первую дверь и, не дожидаясь ответа, вошел.

Это была комната, а не квартира, но достаточно большая, чтобы ее удалось разделить на крошечные отсеки – гостиную, спальню и кухню. Два отсека отгораживал сам Финн. Сначала вы попадали в кухню, которая была шедевром искусства расставлять предметы на

⁶ Около 2 м.

⁷ Каолин – белая глина.

полках, громоздить их друг на друга и втискивать целую кварту в банку емкостью в пинту⁸. В гостиной – размером восемь на девять футов, с сотнями дорогих сердцу хозяйки безделушек, которые она считала очень красивыми и которые занимали все стены и плоские поверхности, – горел газовый камин, в клетке молча сидела маленькая зеленая птичка, а Лена советовалась с маятником.

– Ну-ну, – сказал Финн, подошел к ней и сжал ее свободную руку. Они никогда не целовались. Лена улыбнулась ему милой рассеянной улыбкой, словно плохо его видела или что-то видела у него за спиной. Он сел рядом с ней.

Финн маятник не слушался, но Лена очень искусно обращалась с этим инструментом – как и с магическим жезлом. Вполне вероятно, это одно из последствий того, что те люди в больнице называли шизофренией. Маятник представлял собой стеклянную бусинку, подвешенную на хлопковой нитке, и когда Лена держала его над правой ладонью, он вращался по часовой стрелке, а когда над левой – в обратном направлении. Она уже давно просила маятник подавать ей знаки «да» или «нет» и замечала эти слабые колебания. Маятник только что ответил утвердительно на некий вопрос, который не был открыт Финну, и Лена вздохнула.

Она выглядела слишком старой для матери – худая, почти прозрачная женщина, похожая на сухой лист или на створку раковины, истонченную морскими волнами. Иногда Финну казалось, что сквозь нее он может видеть свет. Глаза у Лены были похожими на его, только мягче, а волосы почти белые, как у него в детстве. Она одевалась в многочисленных магазинчиках секонд-хенда, которыми изобилует этот район, и получала от своих покупок огромное удовольствие, не меньшее, чем женщины из Хэмпстеда получают на Саут-Молтон-стрит⁹. По большей части она была счастлива, если не считать тех моментов, когда ее охватывал ужас. Лена считала себя реинкарнацией мадам Блаватской¹⁰, что в больнице принимали за классический случай мании.

– Ты сегодня что-нибудь купила? – спросил Финн.

Она колебалась. Ее губы тронула озорная улыбка, словно у нее был какой-то секрет, который она больше не могла скрывать.

– Сегодня у тебя день рождения! – воскликнула Лена. Глаза у нее сияли.

Финн кивнул.

– Думаешь, я забыла? Я не могла забыть. – Она вдруг смутилась, накрыла ладонями маятник и опустила взгляд. – В сумке для тебя кое-что есть.

– Ну-ну, – сказал Финн.

В сумке оказалась кожаная куртка – черная, длинная, двубортная, потрепанная, поцарапанная, с подкладкой из расползающегося шелка. Финн надел ее.

– Ну-ну, – сказал он. – Похоже на куртку штурмовиков. – Застегнул пояс. – Наверное, лучшая вещь из всех, что ты купила.

Лену переполняла радость.

– Подкладку я тебе почию!

– У тебя был хлопотный день, – сказал он. Куртка казалась слишком большой для этой комнаты; любое движение грозило сбросить на пол маленькие стеклянные вазы, кувшинчики, фарфоровых собачек, камешки, ракушки и букеты сухих цветов в горшочках от индийских приправ. Финн осторожно, почти благоговейно, чтобы доставить удовольствие Лене, снял куртку. Зеленая птичка запела, звонко и мелодично, подражая канарейке. – Что ты сегодня делала?

⁸ Т. е. втиснуть 1,14 л в 0,57 л.

⁹ *Хэмпстед* – один из элитных районов Лондона; *Саут-Молтон-стрит* – пешеходная улица с брендовыми магазинами.

¹⁰ *Блаватская, Елена Петровна* (1831–1891) – русская дворянка, принявшая гражданство США; религиозный философ теософского направления, литератор, публицист, оккультист и спиритуалист, путешественница.

– Приходила миссис Урбан.

– Ну-ну!

– Она приехала на новой машине, зеленой. Такая зелень с серебристым отливом.

Финн кивнул. Он знал, что имеет в виду Лена.

– Привезла мне те шоколадки и осталась на чай. Сама заварила. В последний раз она приходила еще до того, как ты построил стенку и сделал мне спальню.

– Ей понравилось?

– О да! – Ее глаза были наполнены любовью, буквально лучились ею. – Очень понравилось. Сказала, что получилось так компактно...

– Ну-ну, – сказал Финн, затем предложил: – Спроси маятник про меня. Спроси, хороший ли у меня будет год.

Лена подняла шнурок. К маятнику она обращалась шепотом, как разговаривают с ребенком в темной комнате. Стеклобусина начала раскачиваться, а затем быстро вращаться против часовой стрелки.

– Смотри! – воскликнула Лена. – Смотри на это! Смотри, какой у тебя будет чудесный год. Твой двадцать седьмой год. Три раза по три, умноженное на три. Маятник никогда не лжет.

Глава 2

На широкой, засыпанной гравием площадке перед домом Урбанов стояли три автомобиля, принадлежавшие членам семьи: черный «Ровер», «Воксхолл» цвета зеленый металлик и белый «Триумф». В гостиной сидели Урбаны и пили херес; Маргарет предпочитала олоросо, Уолтер – амонтильядо, а Мартин – «Тио Пепе»¹¹. В них было что-то от трех медведей из сказки, хотя малютка медвежонок, двадцативосьмилетний Мартин, больше не жил на Копли-авеню у парка Александры, а девочка с белокурыми волосами еще не появилась.

Тем не менее в четверг вечером Мартин обязательно приходил сюда на ужин. Он шел домой вместе с отцом из конторы, которая находилась прямо за углом. Повинуясь привычке, они пили херес, по два бокала каждый, ужинали, потом смотрели телевизор, а миссис Урбан возилась с лоскутным шитьем. Последний год, с тех пор как она выбрала себе это занятие в качестве психотерапии во время менопаузы, ее невозможно было представить без маленьких разноцветных шестиугольников. Похоже, изделия из лоскутов постепенно захватывали дом на Копли-авеню, преимущественно в виде наволочек на подушки и покрывал. Она шила, иногда спокойно, иногда со сдерживаемой страстью, и сын наблюдал за ней, пока мистер Урбан оживленно рассуждал на свою любимую тему – о налоге на передачу капитала.

У Мартина имелись кое-какие новости. Он узнал об этом несколько дней назад, но все не решался никому рассказать, и теперь его терзали противоречивые чувства. Естественная для такого случая радость смешивалась с неловкостью и опасениями. Его даже немного подташнивало, как всегда бывало перед экзаменами или важным интервью.

Маргарет Урбан подняла бокал, чтобы его наполнили вновь. Это была крупная, величавая женщина с густыми бровями, похожая на Клитемнестру на картине Лейтона¹². Потягивая херес, она оторвала нитку и подняла на обозрение мужа и сына длинную полосу сшитых между собой красных и лиловых шестиугольников. Это прервало речь Уолтера Урбана, и Мартин, пробормотав, что такую комбинацию цветов он еще не видел, приготовился произнести первые слова признания. Он шепотом репетировал их, пока мать, искусно изображая недовольство, сворачивала свое рукоделие, потом с некоторым трудом поднялась и пошла к двери, собираясь заняться запеканкой.

– Мама, – сказал Мартин. – погоди минутку. Мне нужно кое-что сказать вам обоим.

Теперь, когда отступать уже было некуда, он выложил все, ничего не скрывая, хотя и немного нескладно. Родители молча смотрели на него; их молчание было спокойным, слегка удивленным, с постепенно усиливающейся примесью радости. Миссис Урбан сняла ладонь с ручки двери и медленно двинулась назад; брови ее взлетели вверх и исчезли под густой, выкрашенной в голубоватый цвет челкой.

Мартин смущенно рассмеялся.

– Я сам еще не могу в это до конца поверить.

– Мне показалось, ты собираешься сообщить нам, что женишься, – сказала мать.

– Женюсь? Я? Что заставило вас так думать?

– Ну, не знаю. Это первое, что приходит в голову. Мы даже не знали, что ты делаешь ставки в футбольном тотализаторе, правда, Уолтер? Сколько, говоришь, ты выиграл?

– Сто четыре тысячи семьсот пятьдесят четыре фунта и сорок шесть пенсов.

¹¹ Различные сорта хереса.

¹² В древнегреческой мифологии дочь спартанского царя Тиндарея и Леды, сестра Елены и Диоскуров. Выдана замуж за микенского царя Агамемнона, возглавившего греческое войско в походе на Трою, и впоследствии убившая своего мужа. Ее образ использовали многие художники, в том числе Ф. Лейтон (1830–1896).

– Сто четыре тысячи фунтов! Я имею в виду, что ты не так долго делал ставки. Ты не играл в тотализатор, когда жил здесь.

– Я делал ставки всего пять недель, – сказал Мартин.

– И выиграл сто четыре тысячи фунтов! А если точнее, то сто пять... Тебе не кажется, что это просто поразительно, Уолтер?

На красивом, хотя и немного похожем на морду лабрадора лице Уолтера Урбана медленно расплывалась улыбка. Ему нравилось представлять, как можно преумножить эти деньги, как (хитро и тонко, но совершенно законно) уберечь их от Управления налоговых сборов, причем его больше привлекала красота цифр на бумаге, чем банкноты в кошельке. Улыбка ширилась, превращаясь в сияние.

– Полагаю, тебя следует поздравить, Мартин. Да, поздравить. Ты оказался темной лошадкой! Даже сегодня сто тысяч – это большие деньги, очень солидная сумма. У нас еще осталась та бутылка «Пайпер Хайдсик»¹³, Маргарет. Может, откроем? Такого рода выигрыши, разумеется, не облагаются налогом, но нам нужно хорошенько подумать, куда их вложить, чтобы все проценты не достались Управлению налоговых сборов. Хотя кому, как не паре бухгалтеров, решать эту задачку?

– Принеси шампанское, Уолтер.

– Что бы ты ни сделал с деньгами, не вздумай выплачивать ипотеку за свою квартиру. Не забывай, что правительство Ее Величества пошло на уступки по части налоговых вычетов на выплаты по ипотеке, и одинокому человеку в твоём положении было бы просто безумием не воспользоваться этим.

– Он не станет держаться за эту квартиру, а купит себе дом.

– Он может купить гарантированные ценные бумаги «Ллойдс».

– Не вижу причины, почему бы не купить загородный дом и сохранить квартиру.

– Он может купить дом и иметь максимум двадцать пять тысяч ипотеки...

– Иди и принеси шампанское, Уолтер. Что ты собираешься делать с деньгами, дорогой? Уже есть планы?

Планы у Мартина были. Но такие, раскрывать которые теперь было бы неуместно. Поэтому он промолчал. Отец принес шампанское. В конце концов они приступили к запеканке, картофелю, который, естественно, переварился, и тарту под названием «Чёрный лес». Мартин предложил родителям десять тысяч фунтов, которые они благородно, однако без всяких колебаний отвергли.

– Нам и в голову не придет брать у тебя деньги, – сказал отец. – Поверь, если тебе повезло заполучить приличную для нашего времени сумму, не облагаемую налогом, нельзя выпускать ее из рук.

– Может, хотите отправиться в кругосветное путешествие или что-то в этом роде?

– О нет, спасибо, дорогой, нам действительно ничего не нужно. Полагаю, не стоит об этом никому рассказывать, правда?

– Я и не собирался говорить никому, кроме вас. – Мартин наблюдал за выражением глубокого удовлетворения на лице матери, которое еще больше убедило его, что он правильно сделал, не прибавив, что есть еще один человек, которому он считал обязательным рассказать о своём везении. – Буду молчать как рыба.

– Разумеется, – кивнул Уолтер. – Никому ни слова. А то не отобьешься потом от писем с просьбой о помощи. Лучше жить так, будто ничего из ряда вон выходящего не случилось.

Мартин на это ничего не ответил. Родители продолжали вести себя так, словно он заработал сто четыре тысячи фунтов тяжелейшим трудом или гениальностью ума; на самом деле ему просто повезло. Он хотел, чтобы отец и мать все же приняли от него часть денег в пода-

¹³ Марка дорогих шампанских вин.

рок. Возможно, это немного успокоило бы его совесть и смягчило вину, которую он всегда чувствовал в четверг вечером, когда приходила пора прощаться с матерью и идти домой. Прошло уже девять месяцев, а она все еще спрашивала, жалобно, хотя теперь уже риторически, почему он решил покинуть Копли-авеню и уехать так далеко, в квартиру на Хайгейт-Хилл.

Именно в эту квартиру, в Кромвелл-корт, номер 7 по Чемели-лейн, он теперь вошел, испытывая ту же радость, которую испытывал всегда, когда возвращался к себе. Здесь приятно пахло свежестью и чистотой – новым текстилем, полировкой для мебели и пеной для ванн на травах. Мартин Урбан держал все внутренние двери открытыми – комнаты были безукоризненно чистыми, и поэтому когда вы переступали порог квартиры, создавалось впечатление, что попадаешь в фотографию с обложки цветного приложения к газете «Дом и сад». По крайней мере, он на это надеялся – втайне, поскольку предпочитал держать подобные мысли о своей квартире при себе, а нового гостя просто проводил через гостиную к венецианскому окну, чтобы показать панораму Лондона, расстилавшуюся далеко внизу. Если гость решал сделать комплимент стеклянному кофейному столику в оправе из латуни и стали, шведскому хрусталу или репродукциям картин в рамках, образцам югославского наивного искусства, он лишь скромно благодарил. Мартин слишком сильно любил свой дом, чтобы открыто проявлять свои чувства, и, испытывая благодарность неизвестно кому, боялся искушать судьбу. Временами ему снилось, что у него все это отбирают и вновь навечно водворяют на Копли-авеню.

Мартин включил две настольные лампы с белыми абажурами и ножками, сделанными из бело-голубых кувшинов из-под имбирного пива. Кресла были ротанговыми, с мягкими сиденьями, а софа – или французская кровать, как назвал ее продавец мебельного магазина, – всего лишь диваном с двумя подушками сзади и двумя по бокам. Теперь, выиграв большие деньги, он сможет заменить все это настоящим мягким гарнитуром, возможно, из золотисто-коричневой кожи.

С кофейного столика Урбан взял листок бумаги, лежавший между пепельницей с греческим узором вдоль края и хрустальным яйцом с изображением Козерога – его знака Зодиака, и стал изучать список, составленный предыдущим вечером. Тот состоял из четырех имен: Сума Бхавнани, мисс Уотсон, мистер Дипден и невестка мистера Кохрейна. Напротив последней Мартин поставил знак вопроса. Он сомневался, подходит ли она для того, что он задумал, и кроме того, еще нужно выяснить ее имя. Кое-какие сомнения также имелись и по поводу мистера Дипдена. Но в Суме Бхавнани Мартин был абсолютно уверен. Он зайдет к Бхавнани завтра, заглянет к ним после того, как увидит Тима Сейджа.

Мартин подошел к окну. Купола и башни Лондона, черные и блестящие, висели в небе подобно декорациям какой-то феерии. Он потянул за шнур и, сдвинув шторы из темно-зеленого бархата, закрыл пейзаж. Тим Сейдж. Уже несколько дней – на самом деле с тех пор, как узнал, что должен получить прибыль от своего пятого участия в тотализаторе Литтлвудс, выиграв первый приз, – он старался не думать о Тиме Сейдже, но теперь придется, потому что завтра Тим придет в контору, чтобы поговорить о подходящем налоге. Это будет их первая встреча за две недели, и до трех часов завтрашнего дня Урбан должен решить, что делать.

Что же ему делать? Мартин подавил желание признаться матери, что обязан рассказать о своей удаче еще одному человеку, но лишь потому, что не хотел обижать ее, а не из-за сомнений в том, как следует поступить. Позволив себе думать о Тиме, он сразу понял, что Сейдж должен знать. Задумчивый взгляд Урбана переместился на блестящий темно-зеленый телефон. Нужно прямо сейчас позвонить Тиму и все рассказать.

Отец любил повторять, что не следует звонить по телефону после половины одиннадцатого вечера и до девяти утра – за исключением чрезвычайных ситуаций. Теперь было без десяти одиннадцать, а ситуацию никак не назовешь чрезвычайной. Кроме того, Мартин

не привык звонить Сейджу домой. Он никогда этого не делал. Судя по туманным намекам самого Тима, семья у него была странной, не говоря уже о домашней обстановке, и поэтому неизвестно, кто возьмет трубку. Дом Тима не похож на этот, где все открыто, честно и безупречно чисто – в прямом смысле этого слова.

Мартин отвернулся от телефона и выключил лампы в форме кувшинов. Подумав, налил себе немного виски из бутылки, стоявшей в шкафчике из стекла, латуни и стали. Глупо звонить Сейджу теперь, если завтра они все равно увидятся. Потягивая виски, он размышлял о том, что не позвонил Тиму раньше именно потому, что завтра они должны встретиться.

Младший Урбан был статным и крепким мужчиной среднего роста с чуть ширококатыми плечами. В пальто он выглядел немного грузным и старше своего возраста. У него был высокий прямоугольный лоб и сильный квадратный подбородок, но остальные черты лица были округлыми и тонкими, нос короткий и прямой, а губы из тех, что иногда называют точеными. Темно-каштановые выющиеся волосы уже начали отступать от широкого и крутого лба, образуя линию, похожую на букву М. Глаза у него были необычные, зелено-голубые, очень яркие и чистые, а зубы белые и ровные – следствие того, что в отрочестве Мартина Уолтер Урбан потратил немалые суммы на ортодонт.

По примеру отца он всегда носил на работу костюм. А когда мыл посуду, надевал фартук. Речь, конечно, не шла об обыкновенном фартуке – это было бы смешно; у него имелся оригинальный, из клеенки – модный, забавный и прекрасно подходящий для мужчин. Этот подарила ему мать – оранжево-коричневый, с логотипом вустерского соуза¹⁴ компании «Ли и Перринс». Утром в пятницу Мартин менял постельное белье, но никакой другой работы по дому не делал, поскольку в половине девятого приходил мистер Кохрейн.

Тот факт, что убирал у него мужчина, а не женщина, объяснялся Актом о половой дискриминации¹⁵. Когда Урбан поместил объявление в «Норт Лондон пост», закон обязывал не указывать, что в помощь по дому ему нужна женщина, а когда пришел мистер Кохрейн, этот же закон запрещал отказывать ему. Мартину повезло, что он вообще кого-то нашел, как заметила его мать.

Обычно мистер Кохрейн приходил после почтальона, но до разносчика газет, однако в это утро мальчишка с газетами, вероятно, явился раньше – опоздание для мистера Кохрейна было делом немыслимым – и Мартин успел просмотреть первые страницы «Пост» и «Дейли телеграф», прежде чем помощник по дому позвонил в дверь. В этот момент Мартину всегда хотелось, чтобы на пороге стояла дородная, материнского вида уборщица, старомодное покорное существо, которая если и не называет его сэром, то хотя бы обращается с ним уважительно и немного прислушивается к его пожеланиям. Он читал о таких людях в книгах. Как бы то ни было, бессмысленно предаваться грезам, когда за дверью стоит мистер Кохрейн – и, вероятно, будет стоять каждую пятницу в ближайшие десять лет. Он любил свою работу, и таких работ в районе Кромвелл-корт у него было несколько.

Мартин впустил его.

Мистер Кохрейн был худощавым и жилистым мужчиной ростом пять футов и два дюйма¹⁶ с маленьким венчиком грязно-серых волос, обрамлявших лысину. Его лицо походило на череп, туго обтянутый материалом для абажуров и украшенный парой очков с бифокальными линзами. Не доверяя работодателям, все принадлежности для уборки он носил с собой в маленьком саквояже.

– Доброе утро, Мартин.

¹⁴ Кисло-сладкий, слегка пикантный соус на основе уксуса, сахара и рыбы.

¹⁵ Акт о половой дискриминации (1975 и 1986 г.) объявляет незаконной дискриминацию между мужчинами и женщинами на работе, во время учебы, при обслуживании и т. п.

¹⁶ 158 см.

Урбан поздоровался. Он больше никак не называл мистера Кохрейна. Поначалу он стал обращаться к уборщику «мистер Кохрейн», но в ответ слышал «Мартин», а когда поинтересовался его именем, то на мистера Кохрейна накатила одна из его внезапных приступов ярости и он отказался отвечать. Примерно в то же время сосед и тоже работодатель мистера Кохрейна рассказал Мартину о своем опыте. Он предложил мистеру Кохрейну называть его по фамилии, но получил ответ, что в наши дни было бы оскорбительным заставлять пожилого человека, практически годящегося ему в деды, называть его «мистер». Это настоящий фашизм – за свою полную несправедливостей жизнь он, мистер Кохрейн, и так претерпел достаточно унижений. По всей видимости, он служил лакеем у какой-то более или менее аристократичной особы в Белгравии¹⁷. Или дворецким, как утверждал один из соседей Мартина, тоже пользовавшийся услугами мистера Кохрейна, но Мартин в это не верил, потому что для него дворецкие были давно вымершей расой, не более реальной, чем птица додо.

Как уборщик он был великолепен. Именно поэтому Мартин – и предположительно остальные – не расставался с ним, несмотря на фамильярность и вспышки ярости. Мистер Кохрейн мыл, полировал и скреб, а также гладил белье – и все это с невероятной скоростью. Мартин смотрел, как мистер Кохрейн открывает свой саквояж и достает из него брезентовую куртку цвета хаки – такие обычно носят торговцы скобяными товарами, – которую всегда надевал во время работы, тряпочки для чистки серебра и баллончик с аэрозолем для полировки мебели.

– Как поживает ваша невестка? – спросил Мартин.

Мистер Кохрейн надел красные резиновые перчатки и начал снимать решетку кухонной плиты.

– Лучше ей не будет, пока она не сменит квартиру, Мартин. От черных и так ничего хорошего ждать не приходится, а теперь у них появились пневматические дрели. – Мистер Кохрейн был неисправимым расистом. – Лучше ей не будет, пока она там застряла, так что можете не утруждать себя расспросами, Мартин. Ей приходится терпеть три часа пневматических дрелей по утрам и три часа после обеда. Сами они не могут выдержать больше трех часов, и это кое о чем говорит. Но жаловаться нет смысла, правда, Мартин? Я так ей и сказал. Сказал, какой смысл жаловаться мне? Я ничего не могу поделать, я всего лишь слуга.

– Как ее имя?

– Чье имя? – Мистер Кохрейн повернулся к нему от раковины, резко дернувшись, как с ним часто бывало. – Вам всегда нужно знать, как кого зовут. Имя моей невестки? Вам-то оно зачем? Конечно, миссис Кохрейн. Естественно. А как еще может быть?

Мартин не решился спросить адрес. Он подумал, что, судя по тому, как мистер Кохрейн неоднократно описывал многоквартирный дом в Кенсингтоне и его географическое положение, это можно выяснить самостоятельно. Если не пропадет желание. Десять минут, проведенных в обществе уборщика, вызвали у него ощущение, что возможны более достойные кандидаты для его щедрости, чем семья Кохрейн, Сума Бхавнани, мисс Уотсон и мистер Дипден. Мартин сунул листок со списком в карман, чтобы мистер Кохрейн не наткнулся на него и не стал с параноидальной подозрительностью его изучать.

Как обычно, Мартин ушел на работу в десять минут десятого и поехал по Арчуэй и Хорнси-лейн. Иногда для разнообразия он выбирал маршрут до Хайгейт-Виллидж, а затем по Саутвуд-лейн, через Арчуэйроуд на Вуд-лейн. А один или два раза, чудесным летним утром, он шел на работу пешком, как в тот день, когда встретил Тима в парке...

Офис Урбана, Ведмора, Маккензи и К°, членов Ассоциации дипломированных бухгалтеров, располагался на Парк-роуд, в квартале между Этелден-авеню и Кранли-Гарденс. Уол-

¹⁷ Один из самых фешенебельных районов Лондона; здесь проживали многие поколения британской элиты, а также состоятельные иностранцы.

тер Урбан был экспертом в делах, связанных с подоходным налогом, Клайв Ведмор занимался инвестициями, а Гордон Титертон как свои пять пальцев знал налог на добавленную стоимость. Мартин ни на чем не специализировался, а называл себя ишаком, выполняющим самую тяжелую работу, и кабинет у него был самым маленьким.

Мартин точно знал, что этой работой ему придется заниматься всю жизнь, хотя у него не лежала к ней душа. Как он ни пытался, у него никогда не получалось испытать такое удовольствие от манипулирования абстрактными суммами денег, как у отца, или даже понять восхищение, которое вызывала фондовая биржа у Клайва Ведмора. Возможно, ему следовало выбрать какую-нибудь другую профессию, хотя желания, которые обуревали его в школе, были безнадежно непрактичными – писатель, путешественник, кинооператор. Все-речь они не рассматривались. Не он выбрал бухгалтерское дело, а оно его. Иногда Мартин думал, что позволил себя выбрать, поскольку не вынес бы разочарования отца.

Кроме того, его устраивали надежность, безопасность и респектабельность этого занятия. Ему не нужно было беспокоиться по поводу работы или образа жизни – как, например, Тиму. Он гордился годами учебы, оставшимися у него за спиной, гордился приобретенными знаниями и всегда следил, чтобы недостаток энтузиазма не приводил к ошибкам или просчетам. И ему нравилась эта комната с видом на верхушки деревьев Александры-парка – сам парк и деревья в нем были знакомы ему с детства.

В то утро Мартин не ждал никаких клиентов, ему не нужно было кому-либо звонить или отвечать на звонки. Почти три часа он разбирался в запутанных и бессистемных счетах владельца строительной фирмы, который держал свой бизнес уже пятнадцать лет и не заплатил ни пенса подоходного налога. Заглянул отец и одарил его лучезарной улыбкой. Новость о выигрыше в тотализатор заставила его вести себя по отношению к Мартину точно так же, как в те моменты, когда сын получил сначала аттестат о среднем образовании, а затем – диплом университета. После его ухода Мартин попросил Кэролайн, которая была секретарем одновременно и у него, и у Гордона, принести папку с делом мистера Сейджа.

Он открыл папку, но не стал углубляться в статьи и параграфы налогового кодекса, а также счета самого Тима, которые лежали внутри. Всего через два часа Сейдж будет сидеть здесь, напротив него. А он еще не знал, как поступить. Твердое решение, принятое накануне вечером, было... ну, не то чтобы отменено, но явно поколеблено газетой «Норт Лондон пост». За пару оставшихся часов он должен определиться.

Обедал Мартин обычно в одном из местных пабов, а раз в неделю – в греческом ресторанчике на Масуэлл-Хилл, вместе с Гордоном Титертоном. Однако сегодня он поехал в «Вудмен» один. Это место казалось ему подходящим для разрешения проблемы, которая перед ним стояла.

В это время года было слишком холодно, чтобы устраиваться с сэндвичами и пивом в саду. Летом, несмотря на оглушительную близость шоссе, по которому на север с ревом проносились машины, здесь чувствовалось соседство двух лесопарков, зажатых между расходящимися веером улицами. На севере был Хайгейт-Вуд, а на востоке – Куинс-Вуд, под бледно-зеленой листвой которого майским утром встретились они с Тимом. Теперь, в ноябре, эти рощи выглядели просто стеной из бесчисленных серых веток – холодной и негостеприимной.

Но Тим... Говорить Тиму или нет? Разве он не обязан ему сказать, разве это не его моральный долг? Потому что без Тима он точно не выиграл бы сто четыре тысячи фунтов и вообще не делал бы ставок в тотализаторе.

Глава 3

Мартин познакомился с Тимом Сейджем в Лондонской школе экономики. Шапочное знакомство, не более того, и Тим оставил учебу после первого курса. Мартин не видел его до того утра в Куинс-Вуд, восемь лет спустя.

Утро было туманным, насыщенным синевой и золотом, что обещало дневную жару, и северные окраины Лондона выглядели как пейзаж кисти Тернера. В такое утро машину обычно оставляют дома. Мартин прошел пешком по Джексонс-лейн, потом по Шепердс-Хилл и вошел в лесопарк по дорожке, отходившей от Прайори-Гарденс. Среди зелени деревьев сновали белки, а тишина нарушалась лишь редкими криками соек. Под ногами шелестели слои коричневых листьев бука, а над головой распускались новые, похожие на лоскутки зеленого жатого шелка. Он шагал по дорожке и вдруг увидел вдали фигуру Тима, появившуюся над кромкой холма, и догадка, что это может быть Сейдж, постепенно превращалась в уверенность. Его охватило странное волнующее чувство. Когда между ними осталось не более пятидесяти ярдов, Тим подбежал к нему и резко остановился, словно лошадь, которой натянули поводья.

– Доктор Ливингстон, я полагаю?¹⁸

Почему бы и нет? Журналист встречает исследователя в лесу.

Станным было другое: сколько эмоций вызвала в тот момент их неожиданная встреча и какое удовольствие испытали они оба. Словно братья, разлученные много лет назад. Может, это потому, что встреча произошла летним утром под сенью зеленого дерева? Или потому, что вероятность такой встречи в лесу просто ничтожна? Мартин так и не смог разобраться, почему эта случайная встреча мгновенно вызвала у него ощущение радости и надежды и почему ему показалось, что она даст начало дружбе на всю жизнь. Чувство, которое возникло у них с Тимом по отношению друг к другу неожиданно и одновременно, было похоже на любовь.

Мысленно произнеся это слово, Мартин ощутил волнение и одновременно страх. Прежде чем они расстались, Тим приобнял его, слегка похлопал по плечу и стиснул – обычный дружеский жест мужчины по отношению к другому мужчине, но с Мартином еще никто так себя не вел. Он был смущен и растерян, и два дня спустя, когда Сейдж позвонил, ему потребовалось несколько секунд, чтобы взять себя в руки и говорить нормальным голосом.

Тим хотел всего лишь узнать, можно ли с ним проконсультироваться как с бухгалтером. Его беспокоил налог, который он должен был уплатить с дохода от своей внештатной работы. Мартин сразу же согласился, ничего не мог с собой поделать, хотя у него были определенные опасения.

Уолтер Урбан придерживался незыблемого принципа: мужчина не может признать привлекательность другого мужчины. Такое суждение приемлемо только в отношении противоположного пола. Мартин думал об этом, и это его беспокоило. В данном случае принцип был нарушен, что посеяло сомнения в душе Урбана-младшего.

Тим был очень миловиден, даже красив – если это определение можно использовать в отношении мужчины. Его красота была сродни красоте актера, лихая и довольно яркая. Черные волосы, короткие по современным меркам (хотя и не такие короткие, как у Мартина), и живые сине-зеленые глаза. В его широких скулах, сильном подбородке и полных женских губах проступало что-то славянское. Он был очень высоким и очень худым, а длинные узкие

¹⁸ Эти слова сказал журналист Г.М. Стенли, впервые встретив исследователя и первопроходца Д. Ливингстона. Стенли возглавлял экспедицию, отправленную в 1871 г. на поиски пропавшего в Африке Ливингстона.

ладони, начиная с кончиков указательных пальцев, были коричневыми от никотина. В лесопарке он курил, а войдя в кабинет Мартина, зажег сигарету «Голуаз».

Счета Тима пребывали не в таком беспорядке, как у других новых клиентов, с которыми обычно имел дело Мартин. На него также произвело впечатление, что, пока он изучал столбцы цифр, Сейдж с абсолютной точностью воспроизводил их по памяти. У него оказалась фотографическая память. Мартин обещал помочь сэкономить деньги, и Тим был ему очень благодарен.

Собирались ли они еще увидеться? В свободное время? Очевидно, собирались. Мартин уже не помнил, то ли он позвонил Тиму, то ли наоборот. Как бы то ни было, результатом стал совместный ланч в пабе, затем выпивка в пятницу вечером, и во время этих встреч Мартин испытывал неловкость и нервничал, хотя был удивительно счастлив, прямо до дрожи, и пребывал в настоящей эйфории.

После этого Тим стал довольно частым гостем в квартире в Кромвелл-корт, но того, чего Мартин боялся во время первых нескольких встреч, так и не случилось. Сейдж ни разу не прикоснулся к нему, если не считать рукопожатия, не пытался обнять его, что иногда при расставании казалось таким естественным, почти неизбежным. Но Тим должен быть гомосексуалом – как еще объяснить его явную любовь к нему, Мартину? Как еще объяснить, что он сам считает Тима таким привлекательным? А он действительно считал его привлекательным. Ему пришлось вытягивать из себя это признание. Нормальные мужчины, вероятно, могут находить некоторых гомосексуалистов привлекательными, если не будут лгать самим себе. Мартин был уверен, что где-то читал об этом – наверное, в книге о психологии пола. Но факт оставался фактом: ему нравилось смотреть на Тима, слушать звук его низкого и в то же время звонкого голоса, как другим нравится смотреть на женщину и слушать ее.

Наконец до него дошло, что на самом деле ему хочется драться с Тимом, схватиться с ним в своего рода борцовском поединке. Разумеется, это совершеннейшая нелепость. Он никогда не занимался борьбой – и Тим тоже, Мартин был абсолютно уверен. Тем не менее такие мысли посещали его чаще – он это понимал, – чем следовало бы, и подобные поединки иногда ему даже снились. Отчасти именно эти фантазии виноваты в том, что в реальной жизни он провоцировал товарища на конфликт, что было не слишком трудно, поскольку, несмотря на всю симпатию к Тиму, Мартин понимал, что приятным человеком его не назовешь. Задолго до появления фантазий с борьбой он замечал в Сейдже признаки безжалостности, эгоизма и жадности.

Тим жил в Страуд-Грин. По этому адресу Мартин отправлял деловые письма, но ни разу не звонил на домашний телефон и не приезжал туда. Не то чтобы его не приглашали. Но выражение лица Тима и его тон заставили Урбана решительно отказаться от визита в эту комнату, квартиру или половину дома – неважно, куда именно. Улыбаясь и вскинув свои сатанинские брови, Тим пригласил Мартина приехать и посмотреть его «хозяйство», и Мартин сразу понял, что он живет с женщиной. Урбану еще не приходилось бывать в обществе двух мужчин, живущих вместе и состоящих в сексуальных отношениях, однако он мог более или менее представить это, а также страх и смущение, которые будет испытывать в подобной ситуации.

Мартин вежливо отказывался – у него всегда наготове была отговорка, и через какое-то время Тим, похоже, понял, и приглашений больше не поступало. Но понял ли? Урбан надеялся, что Тим не подумал, что он не приедет из-за того, что ему не хочется тащиться в трущобы Страуд-Грин.

По всей видимости, на Сейджа произвела впечатление квартира в Кромвелл-корт. Во всяком случае, он внимательно слушал и восхищался, когда Урбан показывал ему какое-нибудь новое приобретение, и ему нравилось летними вечерами сидеть на балконе, пить пиво и любоваться пейзажем. Подобно отцу, Мартин часто смешивал работу с отдыхом, и

как раз в один из таких вечеров, когда Тим вслух позавидовал тем, кто владеет собственным домом, он предложил ему тоже купить квартиру. Сделать это необходимо не только ради налогового вычета на ипотеку, но и ради уверенности в будущем.

– Я бы сказал, что с твоим доходом, а также с растущими поступлениями от рассказов ты просто не можешь себе позволить этого не сделать.

– Мой доход, как ты его называешь, – сказал Тим, закуривая двадцатую сигарету за вечер, – определяется самой маленькой ставкой, которую только Национальный союз журналистов позволяет «Пост» мне платить. Ты знаешь размеры этого дохода, мой дорогой, и у меня нет ни пенни сбережений. – Мартин едва сдержал дрожь, когда Тим назвал его «мой дорогой». – Для меня единственный способ найти деньги для покупки своего жилья – выиграть в тотализатор.

– Но для начала ты должен начать в него играть.

Взгляд синих глаз, которые могли обжигать холодным пламенем, теперь был ленивым и рассеянным.

– Что я и делаю. Уже десять лет.

Мартин очень удивился. Он считал ставки в футбольном тотализаторе увлечением исключительно рабочего класса. И еще больше удивился своему согласию попробовать. Просто ради любопытства – ведь он ничем не рискует.

– Я не знаю, с чего начинать.

– Мой дражайший старина Ливингстон, – Тим иногда так к нему обращался, – предоставь это мне. Я заполню за тебя карточку. Пришлю тебе купон, и все, что тебе останется, – каждую неделю переписывать то же самое и отправлять по почте.

Разумеется, Мартин не собирался ничего копировать и отправлять. Но, получив письмо, так и поступил. Почему? Наверное, посчитал, что в противном случае это будет несправедливо и неблагодарно по отношению к Тиму. Мартин подумал, что Сейдж приложил немало сил, составляя сложный узор на многочисленных клетках купона – узор, который он скрупулезно повторял каждую следующую неделю.

Пять раз Мартин заполнял и отправлял этот купон и на пятый раз выиграл сто четыре тысячи фунтов. Выиграл благодаря произошедшей с ним перемене, причиной которой был Тим.

Назад, на Парк-роуд, Урбан поехал по Вуд-лейн. Лес по обе стороны от дороги казался прильнувшей к земле серой массой, а земля была покрыта коростой из бурых листьев. Если бы тем майским утром он поехал на машине или выбрал Вуд-Вейл вместо Шепердс-Хилл, пришел пятью минутами раньше или пятью минутами позже, то никогда бы не встретил Тима и, следовательно, не выиграл бы огромную сумму денег. Через час они с Тимом снова встретятся; он приходит в три.

Цель его визита – принести налоговую декларацию за предыдущий финансовый год и справки о гонорарах от разных журналов, которые печатали его статьи. Мартину не пришло бы в голову скрывать свой выигрыш от Сейджа, не будь Тим журналистом. Расскажи он товарищу, и история его богатства могла бы появиться на первой странице следующего еженедельного выпуска «Норт Лондон пост». Предположим, он попросил бы этого не делать? Возможно, Тим и согласился бы, но Мартин считал это маловероятным. А если точнее, полагал, что Сейдж скрепя сердце согласился бы, а потом намекнул бы другому репортеру. Но его история будет выглядеть еще привлекательнее, когда он начнет свою благотворительную деятельность...

Мартин тщательно обдумывал все свои действия, даже самые незначительные. Он намеревался строить свою жизнь на основе набора твердых принципов. Его доктрина заключалась в следующем: вести себя так, чтобы каждый его поступок мог формировать основу для социальной справедливости, – хотя, разумеется, это не всегда возможно. Другими сло-

вами, он должен рассказать Тиму. Обязан поблагодарить товарища, и его не остановят опасения, что публичность на несколько недель осложнит его жизнь. Допустим, он получит несколько писем с просьбами о помощи и ответит на несколько телефонных звонков. Ничего, переживет. *Он должен сказать Тиму.* А может, также – неожиданная идея так взбудоражила его, что ему пришлось прервать тщательное изучение инвестиций миссис Барбары Баер и отложить папку, – предложить ему что-нибудь. Возможно, он даже обязан предложить Тиму деньги.

Сейдж получал самое низкое жалованье из всех, что позволяет платить Национальный союз журналистов. Он не мог купить себе дом, потому что не имел сбережений. Десять тысяч фунтов как раз станут для Тима первым взносом за дом, а именно десять тысяч фунтов, полагал Мартин, он должен ему дать – вроде десяти процентов комиссионных. Однако идея ему не очень понравилась. Тим не отвечал необходимым критериям подобно мисс Уотсон или миссис Кохрейн. Он был молод, силен и вовсе не *обязан* работать на эту местную газетенку. У Мартина мелькнула мысль, что если Тим хотел бы скопить денег, то не курил бы так много. И еще он подумал, что его товарищ – транжира. Было бы ужасно дать ему десять тысяч фунтов, а затем обнаружить, что он использовал их не на покупку дома, а просто растратил по мелочам.

Мартин продолжал обдумывать обе стороны этого вопроса до четверти четвертого. Тим опаздывал. Внутренняя дискуссия ни к чему не привела, хотя мысль о том, что нужно сказать Тиму, стала казаться поспешной и даже почти аморальной.

В двадцать минут четвертого в дверях показалась светло-рыжая прическа «афро», принадлежавшая Кэролайн.

– Мартин, пришел мистер Сейдж.

Он встал и обогнул стол, думая о том, что, если Тим спросит, если в разговоре затронет футбольный тотализатор, он ему скажет. В противном случае – скорее всего, нет.

Тим никогда не одевался прилично – даже в первом приближении. Сегодня на нем были черные джинсы в рубчик, грязный свитер с высоким воротником, который когда-то, по всей видимости, был белым, и линялая джинсовая куртка с одной оторванной пуговицей. Такая одежда соответствовала его пиратской внешности. Войдя в кабинет, он закурил «Голуаз» и только потом заговорил:

– Прости, что опоздал. Судебное заседание затянулось.

– Материал для статьи? – Мартин надеялся, что не напутал в терминологии.

Тим пожал плечами. Его плечи были очень худыми – как и ладони, и узкие и плоские подростковые бедра. Сотрясаясь от характерного для курильщика кашля, он явно не тянул на атлета. Единственной мягкой частью его тела были пухлые красные губы. Он присел на подлокотник кресла и сказал:

– Человечество идет по тонкому льду над ужасающей бездной.

Мартин кивнул. Его поразили слова Тима. Именно такое ощущение у него было сегодня утром, когда он размышлял, насколько мала вероятность того, что встреча в лесопарке вообще бы состоялась.

– Это цитата?

– Арнольд Беннет¹⁹.

– Человечество идет по тонкому льду над ужасающей бездной... – Разумеется, никаких неизбежных пропастей не существует, просто редкие неглубокие канавы, подумал Мартин. Писатели склонны преувеличивать. – В таком случае, может, мы займемся бумагами?

– У меня налоговое уведомление почти на пять сотен фунтов. Это какая-то ошибка, да?

¹⁹ Беннет, Арнольд (1867–1931) – английский писатель. Написал несколько романов циклов, 30 пьес, 23 публицистические и литературно-критические книги.

Мартин достал папку с документами Тима. Он уже изучил налоговое уведомление. Тим хотел знать, положена ли ему налоговая скидка за использование своей машины и облагается ли налогом платный абонемент в библиотеку. На вопрос о машине Мартин ответил отрицательно, на вопрос о библиотеке – утвердительно, затем задал Тиму несколько вопросов и сказал, что подаст налоговому инспектору апелляцию относительно уведомления на пятьсот фунтов. Больше сказать было нечего – по делу. Тим курил вторую сигарету.

– Как поживаешь, любовь моя? – спросил Тим.

– Нормально, – осторожно ответил Мартин. Вот оно, приближается. Он нервничал, не мог представить, как произносит эти слова, и его раздражала даже мысль об удивлении Тима, о его восхищении, о восторженных поздравлениях. И ответил бодрым тоном, который ему самому показался искусственным: – Уложил в квартире ковровое покрытие, то самое, о котором я тебе рассказывал.

Мартин почувствовал, что краснеет. Но лицо Тима оставалось абсолютно серьезным, заинтересованным и внимательным.

– Понимаешь, – прибавил Урбан, – моя жизнь не слишком богата волнующими событиями.

– Как и у всех нас...

Сейдж умолк. Мартину его молчание показалось *выжидательным*. Затем он потушил сигарету и встал. Обнаружив, что затаил дыхание, Мартин выпустил воздух из легких, так чтобы это было похоже на вздох. Тим посмотрел на него.

– Ладно, не буду тебя задерживать. На следующей неделе я устраиваю вечеринку, в субботу, двадцать пятого числа. Есть шанс, что ты будешь свободен?

Предложение застало Мартина врасплох.

– Вечеринку?

– Ну, ты должен знать, что это такое, – сказал Тим. – Собрание или развлечение, когда несколько человек встречаются в частном доме, чтобы повеселиться, поесть, выпить и так далее. Пир. Праздник. В данном случае мы будем отмечать мой тридцатый день рождения, тридцать впустую потраченных лет, мой Ливингстон. Приходи.

– Хорошо. Я хочу сказать, что обязательно приду. С удовольствием.

– Место не самое лучшее – в отличие от еды. Часов в семь?

После ухода Тима Мартин почувствовал облегчение и даже радость. Сейдж ни о чем не спросил. Даже не упомянул о футболе или азартных играх, не говоря уже о тотализаторе, и практически не говорил о деньгах. Возможно, Тим забыл, что познакомил друга с тотализатором. «Что за глупость – подумал Мартин, – думать, что он обязательно спросит, а я буду обязан его отблагодарить». Как будто он мог дать товарищу денег – или даже предложить. Все то время, пока Тим был здесь, Мартина не покидало ощущение, словно он идет по тонкому льду над той самой бездной, хотя на самом деле все обстояло совсем не так – лед был в несколько дюймов толщиной и достаточно надежен, так что на нем можно было кататься на коньках.

Вошла Кэролайн и передала просьбу Клайва Ведмора вернуть литературу по программе «Сберегай, зарабатывая», которую Мартин брал у него днем раньше.

– Мистер Сейдж очень привлекателен, правда? – сказала Кэролайн. – Он напоминает мне Нуриева²⁰, только моложе.

«Тебе от этого мало проку, моя дорогая», – вертелось на языке у Мартина. Грубости этой мысли оказалось достаточно, чтобы он покраснел – второй раз за сегодняшний день.

– Будь хорошей девочкой, заberi пепельницу, ладно?

²⁰ Нуриев, Рудольф (1939–1993) – советский и британский артист балета, балетмейстер. В 1961 г. не вернулся в СССР после зарубежных гастролей. Не скрывал, что был гомосексуалистом.

– Пахнет, как во Франции.

Она унесла пепельницу, с наслаждением нюхая ее, словно розу.

Еще час или около того Мартин сражался с налогами строителя, а затем поехал по Прайори-роуд к табачной и газетной лавке, которую держала семья Бхавнани. Он пытался представить себя на месте миссис Бхавнани, вообразить, что она будет чувствовать через пять минут, когда поймет, что есть человек, которому не все равно, который намерен дать ее сыну жизнь, здоровье и будущее. Возможно, заплачет. Мартин полностью погрузился в фантазии о том, что произойдет, когда он передаст свое предложение, пока не вспомнил, что добро следует творить тайком, чтобы правая рука не знала, что делает левая.

Это была старомодная маленькая лавка. Когда Урбан открыл дверь, звякнул колокольчик и откуда-то из глубины дома появилась миссис Бхавнани в зеленом сари, поверх которого был надет ярко-синий вязаный кардиган. Ее смуглое лицо, испещренное морщинами, печаль которого контрастировала с яркими красками одежды, стало еще мрачнее, когда Мартин сказал, что желает поговорить с ней наедине. Она перевернула табличку на двери лавки, чтобы с улицы читалось «Закрыто». Слегка запинаясь, Мартин объяснил, зачем пришел.

– Вы врач и хотите сделать операцию Суме? – спросила миссис Бхавнани.

– Нет, конечно, нет. Просто... понимаете, моя мать рассказала мне о нем, и я хочу сказать, что операцию на сердце ему могут сделать в Сиднее... ну а я могу помочь за нее заплатить.

– Это будет дорого стоить.

– Да, знаю. Я хочу сказать, что могу заплатить. Заплачу. Я бы хотел, чтобы вы позволили мне оплатить перелет в Сидней и ваше пребывание там, а также операцию – вот что я имею в виду.

Миссис Бхавнани посмотрела на него, затем опустила взгляд и замерла. Мартин видел, что она не понимает. Ее муж дома? Нет, в данный момент нет. Сейдж спросил фамилию их врача.

– Доктор Гопал, – ответила она. – В Крауч-Энд. – Темные печальные глаза снова посмотрели на него, и миссис Бхавнани сказала ему, словно назойливому непрошеному гостю, словно не получала щедрого предложения: – Вам нужно уйти. Лавка закрыта. Прошу прощения.

Выйдя на улицу, Мартин невольно рассмеялся – про себя и над собой. Вот вам и награда для филантропа. Конечно, было бы гораздо разумнее и эффективнее сначала узнать имя доктора Гопала и написать ему, а не поддаваться романтическим иллюзиям и не являться сюда самому. Вечером он ему напишет. Кроме того, подумал Мартин, направляя машину к дому, нужно заняться подготовкой к реализации своего проекта по использованию половины денег. Помощь Суме Бхавнани – мелочь. По-настоящему серьезным делом следует считать его план избавления от пятидесяти тысяч фунтов.

Теперь, избавившись от мыслей о Тиме Сейдже, он может полностью сосредоточиться на этом.

Глава 4

Уважаемая мисс Уотсон!

Не знаю, помните ли вы меня. Мы встретились на прошлое Рождество в доме моей тети, миссис Беннет. С тех пор до меня дошли известия, что у вас проблемы с жильем и что, когда в следующем году ваш работодатель уедет за границу, вам будет негде жить. Цель моего письма – испросить разрешения вам помочь. Я готов выделить вам любую разумную сумму для покупки небольшого дома или квартиры, предпочтительно не в Лондоне и не в «ближних графствах». Если хотите, можете рассматривать эту сумму как долгосрочную ссуду, а собственность в конечном итоге перейдет ко мне по завещанию. В таком случае я смогу рассматривать эти деньги в качестве инвестиции. Тем не менее прошу вас поверить, что мой интерес состоит исключительно в том, чтобы помочь вам разрешить эту проблему, и я надеюсь, что вы позволите мне оказать вам помощь.

*С уважением,
Мартин У. Урбан.*

Уважаемый мистер Дипден!

Вы обо мне не слышали, но я приятель Тремлеттов, ваших друзей, насколько мне известно. Норман Тремлетт рассказал мне, что местные власти, которым принадлежит земля, намереваются снести многоквартирный дом, где вы в настоящее время проживаете, и переселить вас в квартиру, слишком маленькую, чтобы в ней поместилась ваша мебель, ваши книги и т. д. Цель этого письма – испросить разрешения вам помочь. Я готов выделить вам любую разумную сумму для покупки небольшого дома или квартиры, предпочтительно не в Лондоне и не в «ближних графствах». Если вы сообразоволяете связаться со мной как можно скорее, мы можем встретиться и обсудить это; можете рассматривать эти деньги как подарок или как пожизненную ссуду, если, конечно, вас заинтересует мысль жить за пределами Лондона, и так далее.

*С уважением,
Мартин У. Урбан.*

Уважаемая миссис Кохрейн!

Возможно, вы слышали обо мне от своего деверя. Он рассказал мне, что вы испытываете существенные неудобства из-за своих жилищных условий и очень хотите переехать. Цель этого письма...

Как оказалось, писать эти письма очень трудно. Мартин временно отложил то, что было предназначено миссис Кохрейн, поскольку все еще не узнал ее адреса. Вероятно, доктор Гопал уже получил его письмо, хотя еще не ответил на него. Было приятно представлять огромную радость двух пожилых людей, которые получают письма в понедельник, с утренней почтой. Они поймут и смирятся, что он просит их выбрать дом за пределами Лондона, ведь правда? Если он хочет облагодетельствовать четыре или пять человек, то лондонские цены на недвижимость ему не потянуть. Письма Мартин отправил по дороге, направляясь на обычный обеденный стаканчик, который по субботам пропускал с Норманом Тремлеттом во «Фляжке».

Доктор Гопал позвонил ему на работу в понедельник. Он сегодня же увидится с миссис Бхавнани, а затем попытается связаться с великим кардиохирургом из Австралии. Голос с акцентом, который для английского уха всегда был похож на валлийский, слегка дрогнул, когда доктор Гопал говорил, как его тронуло чрезвычайно благородное предложение мистера

Урбана. Мартину это было приятно. Его мать говорила, что Сума хорошо успевает в школе. Может быть, благодаря своевременному вмешательству Мартина мальчик вырастет и станет знаменитым хирургом, гениальным музыкантом или вторым Тагором²¹?

Его мечты прервал Гордон Титертон, который вошел к нему в кабинет, сообщил, что у них с женой имеется лишнее место в бельэтаже на «Эвиту»²² в субботу вечером, и спросил, не желает ли Мартин пойти с ними. Урбан с готовностью согласился. Остаток дня его не покидало приподнятое настроение, и ему не сразу в голову пришла мысль, что следовало бы попросить доктора Гопала не раскрывать источник денег. Хотя трудно представить, что обычный домашний врач будет рассказывать о таких вещах журналистам. Мартин почти не вспоминал об этом до четверга, когда после ланча Кэролайн сказала ему, что звонил мистер Сейдж и что он еще перезвонит.

Может, Тим уже знает, например от Бхавнани? Конечно, Мартин не раскрывал доктору Гопалу источник своего богатства, но Тим не дурак. Он способен сообразить, что к чему. Если Сейджу нужна статья для завтрашнего номера «Пост», то времени у него почти не оставалось, подсчитал Мартин. Он представил заголовок крупным шрифтом на первой странице...

– Если он перезвонит, скажи, что меня нет, хорошо?

– Несмотря на то что вы на месте?

– У меня нет времени говорить с ним сегодня.

Кэролайн пожала плечами и надула свои блестящие губки, накрашенные помадой ежевичного цвета.

– Ладно, как скажете. По телефону у него милый голос, как у Аластера Барнета²³.

Мартин не дал себе труда поинтересоваться, перезванивал Тим или нет. Теперь в любом случае уже поздно для номера «Пост», выходящего на этой неделе. Он отправился пешком в дом на Копли-авеню – у отца была встреча с клиентом в Хэмпстеде – и, повинувшись внезапному порыву, рассказал матери о своем решении потратить 50 тысяч фунтов на добрые дела и о предложении для Сумы Бхавнани. Она слушала, потягивая олоросо, и Мартин видел, что она разрывается между восхищением его благородством и естественным материнским желанием, чтобы он потратил на себя все сто четыре тысячи фунтов.

– Полагаю, мне не следует спрашивать почему, – сказала она.

Ему было бы неловко объяснять причины: что жизнь была к нему необыкновенно добра, что он чувствует себя в долгу перед этим миром за жизнь и судьбу. Мартин не ответил. Просто улыбнулся и приподнял плечи.

– А что сказал папа?

– Я ему еще не говорил.

Они обменялись взглядом тайных сообщников, предполагавшим, что по мере возможности они будут скрывать от Уолтера Урбана эту информацию, которая должна его сильно расстроить. Мартин снова наполнил рюмки хересом. Позже, после ужина, миссис Урбан сказала:

– Знаешь, когда ты говорил, как собираешься потратить эти деньги, я невольно подумала о миссис Финн.

– Кто такая миссис Финн?

– О, *Мартин*... Ты не можешь не помнить миссис Финн. Она у меня убирала. Это было... когда ты еще учился в школе, когда ты был подростком. Очень худая белокурая жен-

²¹ Тагор, Рабиндранат (1861–1941) – индийский писатель, поэт, композитор, художник, общественный деятель.

²² Мюзикл Э. Ллойда-Уэббера и Т. Райса.

²³ Барнет, Аластер (1928–2012) – английский журналист и телеведущий.

щина; у нее был такой вид, словно ее может унести первым же порывом ветра. Ты должен ее помнить.

– Смутно.

– Я считаю своим долгом поддерживать с нею связь. Регулярно навещаю ее. Она живет в таком ужасном месте, прямо сердце разрывается... Комната, меньше этой, поделена на три, а где у нее ванная, одному Богу известно. Мне очень хотелось дать ей денег, когда я была там в последний раз, но я не осмелилась спросить. В том доме такие странные люди... Настоящий муравейник. У нее есть сын, как мне кажется, немного отстающий в развитии, и у него комната внизу. Он водопроводчик или подручный каменщика – что-то в этом роде. Да и у самой миссис Финн с головой не все в порядке. Ты и представить себе не можешь убожество и нищету, в которых они живут...

Мать продолжала в том же духе, и Мартин притворился, что внимательно слушает, однако считал, что поскольку у миссис Финн имеется сын, обязанный о ней заботиться, она не может рассчитывать на его щедрость. Кроме того, в его списке уже были две пожилые женщины. Может, лучше дополнить список, например, молодой супружеской парой с младенцем?

Его удивило, что никто ему не ответил. Ни мисс Уотсон, ни мистер Дипден. Утром писем не было. Газеты и мистер Кохрейн прибыли одновременно, и Мартин принялся листать «Норт Лондон пост» в поисках статьи о Суме Бхавнани или, что еще хуже, о Суме Бхавнани и о нем самом.

– Я сказал, что сегодня чудесное утро, Мартин, – строго произнес мистер Кохрейн, надевая куртку торговца скобяными изделиями. – Я сказал, что сегодня явно теплее, чем все последние дни. Полагаю, вы считаете недостойным отвечать на любезные замечания простого слуги. – Его глаза угрожающе выпучились в костистых глазницах.

– Прошу прощения, – извинился Урбан. В газете не обнаружилось упоминаний о Бхавнани или о нем. Первая полоса была посвящена убийству девушек в Килбурне, и под статьей стояла подпись Тима. – Действительно чудесный. Вы абсолютно правы, сегодня замечательный день. – Он увидел, что сумел погасить зарождающуюся ярость мистера Кохрейна. Как будто наблюдаешь за неким прибором, на котором при заливке масла или воды в соответствующее отверстие стрелка дрожит, колеблется и наконец отступает от опасной черты. – Как поживает ваша невестка?

– Все так же, Мартин, все так же. – От этого вопроса мистер Кохрейн, полировавший чайные и кофейные ложки специальным составом для серебра, похоже, преисполнился подозрений. Когда Урбан вернулся с пальто в руках, он резко заметил: – Не понимаю, в чем причина вашего интереса, Мартин. Она не юная леди на выданье, и вам это известно. Не из тех девушек, что изображают на календарях. Всего лишь бедная старая дама, вынужденная работать с четырнадцати лет. Вы не стали бы тратить свое время на таких, как она, Мартин.

Если бы не уверенность, что к полудню, когда мистер Кохрейн уйдет, квартира будет еще чище, чем дом на Копли-авеню, семь рубашек будут безупречно выглажены, три панорамных окна вымыты, а столовые приборы начищены до блеска, Мартин немедленно вышвырнул бы его на улицу. Но вместо этого лишь вздохнул и сказал, что уходит.

– До свидания, Мартин, – произнес мистер Кохрейн. Таким тоном директор школы после выпускного прощается с учеником, который все эти годы был ленив, неаккуратен, непослушен и груб.

Мистер Кохрейн редко оставлял ему записки, но если оставлял, тон их был таким же неодобрительным и строгим, как и его речи. Вернувшись домой около шести, Мартин обнаружил одну из таких записок. «Уважаемый Мартин, через две минуты после вашего ухода звонил мистер Сейдж. Я сказал, что я всего лишь уборщик и не могу отвечать за то, что вы ушли так рано. У. Кохрейн». Мартин скомкал листок и бросил с пустую и, вероятно,

начищенную до блеска корзину для бумаг. Едва записка с тихим звоном ударилась в стенку металлического контейнера, зазвонил телефон. Мартин с опаской взял трубку.

– Ты просто неуловим, – произнес голос Тима. – У тебя целая армия слуг, чтобы защититься от прессы.

– Вовсе нет, – довольно нервно возразил Мартин. – И чем я могу... помочь прессе теперь, когда она меня нашла?

Сейдж уклонился от прямого ответа. Повисла пауза – Мартин догадался, что он прикуривает сигарету. Урбан приготовился выслушать вопрос и был очень обескуражен, когда Тим сказал:

– Просто хочу напомнить, что завтра вечером ты обещал прийти, любовь моя.

Мартин совсем забыл о вечеринке. Настолько, что принял приглашение Гордона пойти в театр. Внезапно он понял, как его раздражает – и всегда раздражало, – когда Тим называет его «любовь моя». Это гораздо хуже, чем «мой дорогой».

– Извини, – сказал Мартин. – Боюсь, что не смогу. Я буду занят.

– Мог бы сообщить мне, – упрекнул его Тим.

– Извини, – повторил Урбан и, пытаясь оправдаться, прибавил: – Не думал, что это необходимо для такого рода вечеринок.

Если бы по телефону можно было услышать, как приподнимаются брови собеседника, Мартин обязательно бы это услышал.

– Какого рода вечеринок? – Сейдж растягивал слова, и голос его стал жестче. – Это будет званый ужин. Разве ты этого не понял, когда я сказал приходить в семь? Нас будет всего восемь человек. – Последовала долгая, тягостная для Мартина пауза. – Я планировал особый праздник.

– Уверен, что мое отсутствие не испортит вам вечер.

– Наоборот, – холодно возразил Тим. – Мы будем чувствовать себя брошенными.

Трубка опустилась на рычаг. Еще никто так не обрывал разговор с Мартином. Он чувствовал себя несправедливо наказанным. Конечно, Урбан и раньше все время отказывался приходить в гости к Тиму, но теперь, если бы ему прямо сказали, что это не будет шумное пьяное сборище в тесной полутемной квартире, он не забыл бы о вечеринке и обязательно пришел. Если друг задумал что-то отпраздновать, то почему прямо не сказал ему, когда приглашал в прошлую пятницу? Мартин вдруг почувствовал неприязнь к Сейджу, причем довольно острую. Когда придет ответ от налогового инспектора, он не станет звонить ему, а отправит официальное письмо. Хватит с него Тима – пока. Пусть пройдет несколько недель, а потом – возможно, на Рождество – он ему позвонит.

Этой ночью ему приснился Тим, в первый раз за несколько недель. Они были в доме в Страуд-Грин, который Мартин никогда не видел наяву. Тим называл дом отвратительным, и он оказался даже хуже, в своем гротескном убожестве словно сошедшим со страниц книг Диккенса – череда захламленных крысиных нор, пропахших гнилью. Они с Тимом о чем-то спорили, Мартин почти не понимал о чем, и каждый пытался разозлить другого: Мартин – какой-то неестественной напыщенностью, а Тим – оскорбительной манерностью. Наконец терпение Урбана иссякло, и он бросился на Тима, но тот отразил удар, и они, схватившись, упали на мягкий, пыльный, обтянутый красным бархатом диван, который занимал полкомнаты. Продолжать схватку здесь было невозможно, поскольку, несмотря на то что они по-прежнему боролись, обхватив друг друга за шею, красный бархат стал вдруг влажным и топким, начал затягивать их в глубину дивана. Вернее, затягивать Мартина. Тима там больше не было – красный бархат превратился в губы Тима, и Мартин погрузился в них по горло, затягиваемый долгим, жадным поцелуем...

От таких снов обычно просыпаешься внезапно, с чувством раскаяния и неловкости. К счастью, когда Мартин проснулся, часы показывали половину девятого – после подобных

видений ему совсем не хотелось оставаться в постели. Придя в себя, он увидел, что его ждет приятный день, гораздо лучше, чем можно было ожидать от ноябрьской субботы. Довольно тепло, туманно, а солнце, похожее на лужицу расплавленного серебра, поднялось над куполом церкви Святого Иосифа, нефритово-зеленым и сияющим в его еще слабых лучах.

К обеду туман рассеялся, солнце стало ярким, и Мартин задумался, не пройтись ли пешком до «Фляжки», где по субботам они пропускали по стаканчику с Норманом Тремлеттом. Прогулка занимала около четверти часа – две или три минуты на машине, но если идти пешком, то возвращаться пришлось бы тоже пешком. В последующие недели он часто думал, что, если бы решил прогуляться, его не оказалось бы дома, когда прозвенел звонок в дверь, и он никогда бы не встретил Франческу. Почему он не пошел пешком? Единственная причина – лень. Прилив энергии стал поводом для прогулки, которая закончилась встречей с Тимом; лень предотвратила прогулку, которая помешала бы ему встретить Франческу. Мартин чувствовал, что в этом есть некий смысл, хотя не мог сказать, какой именно.

Он решил, что пришла мисс Уотсон. Пожилая дама ни разу не приходила к нему, но ведь прежде он не предлагал купить ей дом, и Мартин почти не сомневался, что это она. Он открыл дверь с широкой, доброжелательной улыбкой на лице.

За дверью стоял мальчик с букетом огромных ярко-желтых махровых хризантем. У мальчика были черные брови, густые и ровные, темно-карие глаза и ярко-розовые щеки. Одет он был в джинсы и нечто вроде темно-синей парусиновой туники; волосы спрятаны под шерстяной шапочкой.

– Мистер Урбан? – спросил он голосом, который Мартину показался похожим на женский.

– Да, совершенно верно, – ответил тот. – Но это не может быть мне.

– Вы мистер Мартин У. Урбан, и это номер двенадцать, Кромвелл-корт, Чемели-лейн, Хайгейт?

– Да, конечно, но я по-прежнему не могу...

– Они точно для вас, мистер Урбан. – Посыльный вдруг сдернул шапочку, высвободив густую гриву длинных волос, волнистых и блестящих. Волосы были темно-каштановыми, почти два фута длиной и явно принадлежали девушке лет двадцати. Голос у нее был серьезный, и говорила она довольно медленно. – Сегодня очень теплый день, правда? Не знаю, зачем я это надела... Смотрите, на карточке написано, что они для вас.

Мартин заставил себя отвести взгляд от ее волос.

– Пожалуйста, входите, я не хочу держать вас на пороге. – Она вошла, как ему показалось, довольно робко и остановилась между открытыми дверями, не зная, куда направиться. – Сюда, – пригласил он. – Мужчинам обычно посылают цветы только в том случае, если те больны.

Девушка рассмеялась. В комнате, очень светлой от большого окна, Мартин поразился, какая она хорошенькая. Высокая, очень стройная, с чудесным румянцем на лице, который от смеха стал еще гуще. Хорошо, что он не признался, что поначалу принял ее за мальчика! Хотя стройная фигура, эти густые брови, открытый взгляд и мальчишеский вид только усиливали ее женскую привлекательность. Внезапно Мартин почувствовал сильный, агрессивный, горьковатый запах хризантем.

– С ними прислали карточку? – Он взял у девушки цветы и нашел карточку, прикрученную проволокой к связке жестких влажных стеблей. Текст был напечатан, подпись неразборчива.

– «Спасибо за все, – прочел вслух Мартин. – Я никогда не забуду того, что вы сделали».

– Вместо подписи закорючка. Думаю, этот человек пришел в магазин и сам расписался. – Девушка выглядела расстроенной. – Кажется, Рэмси или Боуси? Нет? Если хотите, я попробую выяснить.

Он стоял у окна и видел на подъездной дорожке к дому фургон, в котором приехала девушка. Это был темно-синий автомобиль с розовой надписью: «“Блумерс”, 414 Арчуэй-роуд, № 6».

– Ваш магазин на углу Масуэлл-Хилл-роуд? Я проезжаю его каждый день по дороге на работу.

– По выходным мы работаем до шести. Можете заглянуть в понедельник.

– Или позвонить, – сказал Мартин. Там будет трудно припарковать машину. Одно из самых неудобных мест, которые можно себе представить. Ему показалось, или девушка слегка обиделась? «Тебе двадцать восемь лет, – напомнил себе Мартин, – а ты, словно пенсионер, волнуешься, где припарковать машину через два дня...» Можно оставить ее на Хилсайд-Гарденс, разве не так? Пройдет сотню ярдов пешком, не развалится. – Я зайду в понедельник примерно в половине шестого, – сказал он.

Из окна Урбан смотрел, как она уезжает. Туман рассеялся, а лужица солнца и небо стали свинцовыми. На часах было без двадцати пяти час. Мартин надел куртку и направился во «Фляжку», чтобы встретиться с Норманом Тремлеттом. Вернувшись, он первым делом поставил цветы в воду. У него не было знакомых по фамилии Рэмси, Боуси или что-то в этом роде; кроме того, он не знал никого, кому пришло бы в голову прислать ему цветы.

Для одной вазы хризантем было слишком много, даже для двух. Пришлось использовать кувшин для воды, а также шведскую хрустальную вазу и сосуд из датского фарфора с узором из коричневых сережек на синем фоне. У него мелькнула мысль вообще не ставить цветы в воду, а принести в подарок Элис Титертон. Пусть Элис решит, что он сам их выбирал. Конечно, с его стороны неприлично так думать, но цветы были ужасными. Мартин всегда считал, что все они красивы – все по определению, но ощущения, вызванные этим букетом, его слегка шокировали. Притворяться нет смысла. Хризантемы были необыкновенно уродливыми, просто отвратительными – скорее какие-то овощи, а не цветы, нечто вроде артишоков. Легко представить, как их варят и подают с голландским соусом.

Мартин поставил цветы в воду и снова взглянул на карточку. Конечно, не Рэмси – Бхавнани! Миссис Бхавнани вполне могла прислать ему цветы в знак благодарности. Будучи индианкой, она не знала, что в Англии не принято присылать цветы мужчинам, и ее вкусы в отношении цветов тоже могли быть другими. Восточному человеку громадные сферические соцветия не обязательно покажутся чудовищными и грубыми. Но если отправитель она, то фамильярная фраза на карточке выглядит странно: «Спасибо за все. Я никогда не забуду того, что вы сделали». И зачем ей тащиться до Арчуэй-роуд, когда в ее квартале в Хорнси есть цветочный магазин? Таинственным отправителем вполне могла быть мисс Уотсон, которая жила в Хайгейте, на Херст-авеню.

Из-за этих хризантем, ярко-желтых, вогнутых, с запахом горького алоэ, его гостиная изменилась, стала какой-то нелепой. Расставляя цветы, Мартин рылся в памяти в поисках того эпизода в прошлом, который ассоциировался с этим запахом. И вдруг вспомнил. Лет двенадцать назад матери прислали хризантемы – то ли какая-то подруга, то ли недавний гость. Те хризантемы выглядели хрупкими, бледно-розовые с лохматыми лепестками, но запах был точно таким же, как у этих. И еще Мартин вспомнил, что вошел в гостиную, где бледная худая женщина по имени миссис Финн горько плакала над разбитой вазой из граненого стекла, которую уронила на пол. Розовые цветы лежали в лужицах воды, а миссис Финн рыдала так, словно разбила не ваза, а ее сердце.

Мы помним очень странные вещи, подумал Мартин, и достаточно каких-то мелочей, чтобы эти воспоминания всплыли на поверхность. Он ясно видел миссис Финн, какой она была в тот день, когда плакала из-за разбитой вазы, а может, из-за порезанного пальца, с которого большими красными каплями на пол капала кровь.

Глава 5

Его окно выходило на задний фасад дома по Сомерсет-Гроув. Между ветхими сараями, среди которых была даже теплица с разбитыми стеклами, виднелись полосы неухоженного сада. Но если не смотреть вниз, то взгляд упирался в кирпичную стену соседнего дома с ржавой пожарной лестницей и эркерами. В одном из эркеров женщина гладила белье.

Финн пристально смотрел на нее, сосредоточив на ней всю свою силу, пытаясь подчинить своей воле. У него не было злого умысла, и он даже не знал женщину, но хотел, чтобы она слегка обожгла палец утюгом. Прижимаясь всем телом к стеклу, Финн сосредоточился на фигурке в окне, пронзая ее взглядом и мыслью. Ему хотелось, чтобы женщина почувствовала это, растерялась, покачнулась и прижала огненный треугольник к дрожащей руке.

Утюг продолжал двигаться равномерно и плавно. Один раз женщина подняла голову, но Финна она не видела. Все маги жаждут открыть секрет, как сделать себя невидимым, и Финн подумал, что ему это удалось. Он впился в женщину взглядом, заставив себя не моргать, дышал очень глубоко и очень медленно. Женщина поставила утюг вертикально на край доски и теперь складывала прямоугольник из чего-то белого. Финн мог поклясться, что ее ладонь коснулась кончика утюга, но женщина даже не поморщилась. И вдруг посмотрела на него сердитым взглядом, прямо в лицо. Если он и был невидим, то теперь магия исчезла. Финн проследил, как женщина перенесла гладильную доску от окна в глубину комнаты, и вернулся к своему занятию – он прикручивал переднюю панель нагревателя.

Его комната была на третьем этаже. В ней располагался односпальный матрас, табурет на трех ногах и книжный шкаф. Когда-то мебели было больше, но по мере того как Финн учился управлять собой и его сила росла, он постепенно избавился от нее. Одежду он вешал на крючки, прибитые к стене. На окне не было штор, на полу ковра. Потолок и стены Финн выкрасил в чистый, сверкающий белый цвет.

У него не было никаких приспособлений для приготовления пищи, но Финн редко ел что-либо подвергавшееся кулинарной обработке. На полу высилась пирамида из банок с ананасами и ананасовым соком; в книжном шкафу стояли произведения Алистера Кроули²⁴, а также «Встречи с замечательными людьми» и «Рассказы Вельзевула своему внуку» Гурджиева²⁵, «Новая модель вселенной» П.Д. Успенского²⁶ и «Тайная доктрина» Елены Блаватской. Финн отыскивал их в букинистических магазинах на Арчүэй-роуд.

Обматывая электрический шнур вокруг нагревателя и пряча прибор в пакет с ручками, Финн слышал, как Лена проходит мимо его двери и поднимается выше. Она отсутствовала все утро – провела его в магазине на Джанкшн-роуд под названием «Второй шанс», пытаясь потратить две десятифунтовые купюры, которые Финн выделил ей из аванса за Энн Блейк. Двигалась она неловко. Всего лишь на слух, по звуку ее шагов на лестничной площадке, он мог определить, счастлива Лена или испугана – или приближается черная полоса. Финн относился к ее странностям совсем не так, как отнеслись бы другие люди, но черная полоса – это совсем другое дело. Причиной черной полосы всегда бывал он сам.

Финн снял белый хлопковый халат, который надевал для чтения, медитации или просто когда был у себя в комнате, и повесил на один из крючков. Зеркала у Финна не было, и он не видел своего длинного тела, жесткого, белого и худого, похожего на корень какого-нибудь растения. Вся его одежда – джинсы, рубашка без воротника с длинными рукавами,

²⁴ Кроули, Алистер (1875–1947) – английский поэт, оккультист и каббалист.

²⁵ Гурджиев, Георгий Иванович (?–1949) – философ-мистик, композитор и путешественник.

²⁶ Успенский, Петр Демьянович (1878–1947) – русский философ, теософ, эзотерик, оккультист, таролог, журналист и писатель, математик по образованию.

бархатный жилет и шарф с монетами – была куплена Леной, как и опасная бритва с перламутровой ручкой, которой он теперь начал бриться. Финн видел свое лицо, отражавшееся в оконном стекле – если немного отодвинуться, кирпичная стена дома напротив превращала его во вполне приемлемое зеркало. Тем не менее он порезался. Финн, все тело которого было абсолютно бесцветным, если не считать водянисто-серых глаз, иногда удивлялся, что кровь у него такая же красная, как у других людей.

Крошечная гостиная Лены была вся увешана покупками: розовато-лиловое шелковое платье с кружевным подолом, серая мужская визитка, связка шарфов, пара девичьих ботинок на шнурках, несколько юбок и джемперов. Волнистый попугайчик, временно отпущенный на волю, озирает все это богатство с опоры торшера в стиле модерн. Через день или два Лена продаст все эти вещи другому магазину, возможно, оставив себе какую-то одну. Она почти всегда оставалась в убытке от этих торговых операций, но иногда получала крошечную прибыль. Увидев Финна, она отпрянула от него, встревоженная и очень расстроенная – как и всегда при виде даже крошечной капельки крови.

– Ты порезался! – Это прозвучало так, словно он нанес рану не себе, а кому-то еще.

– Ну-ну, – сказал Финн. – Порезался. Давай закроем этот вопрос, ладно?

Лена протянула ему кусочек ваты, вероятно, из флакона с таблетками или ювелирной коробочки от кольца. Финн прижал вату к подбородку. Она пахла так же, как одежда Лены, – камфарой. Лена принесла с собой местную газету «Пост», с раздражением заметил Финн – и сразу же определил причину ее тревоги. Лена проследила за его взглядом.

– В Килбурне убили девушку.

Он открыл было рот, собираясь ответить и гадая, что будет дальше. Лена приблизилась к нему вплотную, прижала палец к его губам и спросила прерывающимся, исполненным страха голосом:

– Это ты сделал?

– Перестань, – сказал Финн. – Конечно, нет. – Попугайчик слетел со своего насеста, уселся на подол розовато-лилового платья и принялся клевать кружева.

– Я проснулась посреди ночи и испугалась. Вчера твоя аура вся была темной, красновато-коричневых тонов... Я спросила маятник, и он сказал мне спуститься и проверить, дома ли ты, и я стояла и прислушивалась у тебя под дверью. Я стояла там несколько часов, но тебя там не было.

– Дай сюда, – сказал Финн и осторожно забрал у нее газету. – Ее убили не этой ночью, видишь? Давай, прочти. Она была убита на прошлой неделе, в среду, пятнадцатого числа.

Лена кивнула, вцепившись в его плечо обеими руками, как тонущий человек хватается за багор. Попугай оторвал от платья маленькие лиловые бусинки и рассыпал их по полу.

– Ты же знаешь, где мы были в ту среду, правда? Перед моим днем рождения. После обеда до самого вечера мы просидели здесь с миссис Гогарти, перед планшеткой, вызывали духов. Ты, я и миссис Гогарти. Ну, все? Паника прошла?

После той истории с Куини, которая тоже стала причиной ее приступа, Лена считала, что любое убийство, совершенное к северу от Риджентс-парк и к югу от Барнета, – дело рук ее сына. Во всяком случае, предполагала, пока Финн не доказывал обратное или пока убийцу не находили. Время от времени у Лены случались приступы страха; она боялась, что его арестуют за убийства, совершенные много лет назад в Харрингее или в Харлсдене. Именно по этой причине – помимо прочих – Финн намеревался замаскировать свое теперешнее дело под несчастный случай. Если бы в те далекие дни он соображал, что делает, если бы не был так молод, то с Куини поступил бы точно так же, избавив Лену от ненужных страданий.

– Паника прошла? – переспросил он.

Она кивнула, радостно улыбаясь. Когда-нибудь Лена, наверное, забудет, подумал Финн, когда он возьмет ее с собой в Индию и они будут жить под светом древней мудро-

сти. Лена принялась рыться в приобретенных сегодня сокровищах, а попугайчик устроился у нее на плече. Диванная подушка свалилась и застряла между восьмиугольным столиком и плетеным сундучком. В квартире Лены практически ничего не могло упасть на пол. Она выпрямилась, сжимая в руке что-то желтое и пушистое.

– Это тебе, – сказала Лена. – Твой размер и твой любимый цвет. – И подобно всем матерям, опасаящимся, что их подарок не оценят, прибавила: – Пришлось раскошелиться!

Финн снял жилет и натянул желтый свитер. У него была застежка на пуговицах, как у рубашки поло. Потом встал и посмотрел на свое отражение в овальном зеркале с темно-синей рамой. Рукава были коротковаты, а на левом боку имелась светло-зеленая штопка, но видна она была, только если поднять руку.

– Ну-ну, – сказал Финн.

– Тебе идет.

– Буду носить его на работу.

Финн ушел, когда Лена принялась записывать свои приобретения в тетрадь, специально заведенную для этой цели. Однажды он видел эту тетрадь. Когда Лена затруднялась описать предмет одежды, то рисовала его. Финн спустился к себе в комнату, собрал чемоданчик с инструментами, взял пакет с нагревателем и надел свою нейлоновую куртку. Часы показывали начало третьего. Он поехал в фургоне, но не весь путь – оставил машину на углу Гордон-Хаус-роуд, в конце Хайгейта.

Финн выжидал, пока уедут Фрэзеры. Они освободили квартиру в предыдущую пятницу. В понедельник вечером София Ионидес всегда сидела с детьми брата на окраине Хэмпстед-Гарден. Финн не боялся, что его увидят входящим в дом на Модена-роуд, но предпочел бы остаться незамеченным, когда будет выходить. Хотя к тому времени уже стемнеет. Но больше всего его радовало ухудшение погоды. С вечера субботы заметно похолодало – утром был мороз, а когда Финн ехал по Дартмут-Парк-Хилл, в ветровое стекло ударяли редкие снежинки. Если бы погода оставалась такой же теплой, как в субботу утром, пришлось бы отложить приготовления.

В квартире Энн Блейк было чисто, опрятно и очень холодно. Когда-нибудь, подумал Финн, когда он усилит свой тета-ритм²⁷, то научится напряжением воли вырабатывать тепло, однако этот день еще не наступил. Включать один из нагревательных приборов Энн Блейк было бы неосмотрительно, и поэтому остается только терпеть. Он присоединил 13-амперную вилку к шнуру, конец которого торчал из газовой трубы за холодильником, и воткнул его в розетку рядом с сетевым шнуром холодильника. Затем установил стремянку и поднялся на чердак, захватив с собой нагреватель. Наверху было еще холоднее. Финн подсоединил шнур нагревателя к пяти или шести ярдам шнура, выходящего из газовой трубы. Потом проверил, работает ли прибор. Работает.

²⁷ Ритм электроэнцефалограммы, продуцируется гиппокампом, когда мозг сосредоточен на одном источнике информации. Наиболее ярко выражен у маленьких детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.